

© 2011 г. *А.В. Войтов, А.С. Разин*

УДК 321

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СВЕТЕ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ¹**

Основными задачами политической модернизации России являются подлинная демократизация общества, реальное развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан. Решение этих задач, в значительной мере, зависит от возможностей и желаний региональных политических элит. Выявление роли региональных политических элит в модернизации российского общества требует, прежде всего, тщательного философского анализа категорий: «политическая элита» и «региональная политическая элита», дать им качественную характеристику, позволяющую отличать данные понятия от родственных категорий: «номенклатура», «бюрократия», «правлящий класс» и т.д. Эти проблемы активно обсуждаются в элитологии, как одной из субдисциплин, находящихся на стыке социальной философии, политологии и политической и экономической социологии. Основой элитологии является элитизм как система теоретических воззрений и методологических принципов.

Рассмотрение элитизма как теории научного анализа связано со становлением отечественной элитологии как научной дисциплины. В трудах Г.К. Ашина, А.В. Понеделкова, В.В. Радаева, О.И. Шкаратана и других исследователей анализировались классические и современные труды западных ученых на предмет социальной и политической дифференциации, включая различные концепции элит [1]. Авторы выделяли два основных направления в изучении элитных групп западными исследованиями, условно, называемые:

¹Материалы подготовлены при поддержке гранта РГНФ 10-03-00701а: «Проблемы формирования гражданского общества в Нижневолжском регионе: опыт кросскультурных исследований»

«линия В. Парето» и «линия Г. Моска». Указанные линии и составляли основу эпистемологической альтернативы: «эгалитаризм – элитизм».

Вильфредо Парето, Хосе Ортега-и-Гассет, Дэвид Рисмен и ряд других исследователей рассматривали элиту с позиции эгалитаризма, как слой людей, добившихся наивысших достижений в своей области деятельности: «мы берем класс людей, обладающих наивысшими индексами в своей сфере деятельности и называем этот класс элитой» [2]. Напротив, Гаэтано Моска, Гарольд Лассуэл, Чарльз Райт Миллс и другие западные исследователи считают элиту относительно закрытой и сплоченной группой, хотя и определяют ее по-разному: «правлящий класс» (Г. Моска), «политическая элита» (Г. Лассуэл), «властвующая элита» (Ч.Р. Миллс). Именно эта группа сосредотачивает в своих руках политическую, военную и экономическую власть в обществе, всячески препятствует вхождению во власть представителей других слоев населения: «Во всех обществах, начиная с едва приближающимися к цивилизации и заканчивая современными, передовыми и мощными обществами, всегда возникает два класса людей: класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизировать власть и наслаждается преимуществами, которые дает эта власть, в то время как другой, более многочисленный класс управляется и контролируется первым, причем, таким способом, который обеспечивает функционирование политической организации» [3].

С вышеуказанным направлением тесно связано понятие элитизма как способа анализа окружающей действительности, существующих в обществе социальных отношений. Методологическим различием здесь является тот факт, что в первом случае акцент делается на онтологические характеристики концепций, а во втором – на гносеологические. Здесь, как указывает В.П. Мохов, элитизм с одной стороны противостоит марксизму, а с другой – демократизму (либерализму) [4]. Дискурс в рамках альтернативы «элитизм – марксизм» разворачивался по отношению к дихотомии: «советское (бесклассовое) общество – буржуазное (классовое)». Многие зарубежные исследователи (М. Джилас, П. Бергер, М. Восленский и др.) считали советское общество и общества других социалистических стран классовыми, и, соответственно, марксистский анализ пригодным для его изучения [5]. В этом отношении понятие «политическая элита» рассматривалась как синоним понятий

«господствующий класс», «номенклатура» и т.д. Другие ученые считали советское общество бесклассовым и, соответственно, категорию «политическая элита» непригодной для его изучения [6]. Класс, как утверждали многие ученые, «мертв»: это понятие не применимо к анализу посткапиталистических, постиндустриальных и постмодерных обществ. Но по мысли Дж. Скотта, речь идет не столько о смерти класса, сколько о реструктуризации классовых отношений и их дополнении новыми источниками социального расчленения и социальной идентичности. Классовые отношения существуют и влияют на жизненные шансы и условия, поэтому классовый анализ в современной науке вполне уместен [7].

Также категорию «политическая элита» непригодной для изучения советского общества считали сторонники демократизма (либерализма), но по другой причине. Последние постулируют, что политические элиты – продукт современного индустриального (модерн) общества, где органы власти и управления формируются выборным путем, в результате реальной конкуренции. Как указывает Чарльз Эндрейн, в демократических обществах «народ имеет возможность свободно выражать предпочтения тому или иному политическому курсу, получать доступ к ведущим политикам, принимать решения относительно проблем, которые образуют «повестку дня». Права участия включают в себя право избирать лидеров, а также возможность быть вовлеченными в самые разнообразные формы участия в процессе принятия политических решений» [8]. Напротив, в недемократических обществах, по мнению современного канадского исследователя М. Корры, общественность таких прав и возможностей лишена: «сильный партийно-государственный аппарат передает приказы вниз по бюрократической лестнице» [9].

Таким образом, в трудах отечественных и зарубежных ученых само понятие «политическая элита» понимается по-разному [10]. В обобщенном виде можно выделить следующие точки зрения на концепт политической элиты:

- Политическая элита – это экономически и политически господствующий класс, сосредоточивший в своих руках материальные и нематериальные ресурсы.

- Политическая элита – представляет собой группу, осуществляющую власть и управление в обществах любого типа.

- Политическая элита – продукт модернизации общества, она может существовать только в индустриальном обществе. Причем в любом обществе, имеющим индустриальные черты: капиталистическом и социалистическом, западном (либеральном, демократическом) и незападном (сохраняющим элементы традиционной культуры).

- Политическая элита – феномен, присущий только западному обществу, где существует выборная система рекрутирования представителей власти и управления, а также политическая конкуренция; в обществах других типов «группы власти» следует именовать с помощью иных категорий.

На наш взгляд, под политическими элитами следует понимать нуждающиеся в легитимации относительно закрытые привилегированные группы, принимающие политические решения и организующие исполнение последних. К числу признаков политических элит следует выделить: высокий политический статус (занимание высших должностей в органах власти и управления); обладание определенными льготами и привилегиями, которые являются атрибутом занимаемого статуса; относительная закрытость и замкнутость; а также необходимость легитимации политического продвижения и деятельности. Политическую элиту следует отличать от бюрократии и номенклатуры.

По аналогии с понятием «политическая элита» мы будем определять и понятие «региональная политическая элита». В данном случае «региональная политическая элита» будет являться понятием, обозначающим определенную группу индивидов, занимающих высшие политические и административные позиции в регионе, благодаря чему способные повлиять на принятие политических решений, но только на определенной территории, а именно в регионе. Теоретически понятие «региональная политическая элита» будет интегрированным понятием, определяемым соотношением более широких категорий «регион» и «политическая элита».

Под «регионом РФ», как отмечает Гульзида Немирова понимаются субъекты Российской Федерации, для которых характерны:

- 1) географическая целостность;
- 2) встроенность в социально-экономическое устройство территории Российской Федерации;
- 3) экономическая целостность, проявляющаяся в комплексном развитии отраслей хозяйства;

4) системность – развитие внутри региона экономических, демографических, культурных, социальных, экологических и др. связей, составляющих систему с воспроизводственным процессом территории;

5) экономическая самостоятельность, заключающаяся в осуществлении социально-экономической деятельности в субъекте РФ на основе самостоятельного осуществления бюджетного процесса [11].

Появление региональных политических элит в России связано с процессом регионализации, который повлек за собой автономность и обособленность субъектов РФ как от федерального центра, так и друг от друга. В этом отношении мы можем говорить не только о региональных политических элитах, но и об элитах экономических, интеллектуальных и так далее. Если говорить об обособлении региональных политических элит, то здесь Виктор Павлович Мохов понимает под регионализацией процесс выделения региональных элит из общего пространства элит как по «вертикали» (между элитами Центра и массами, между федеральными элитами и местными), так и по «горизонтали» (между элитами различных регионов), сопровождающийся изменением их политического статуса, места и роли в системе властных отношений.

В модернизации политической системы России региональные политические элиты должны играть достаточно заметную роль. Регионы РФ значительно отличаются между собой по этническому, конфессиональному, профессиональному и другому составу населения, историческим традициям, наконец [12]. Соответственно, различается социальная и политическая ориентация региональных политических элит. Региональные политические элиты, как правило, имеют социальные и генетические связи с определенными социальными группами региона, являются носителями их социально-экономических, социально-политических и социокультурных интересов, которые требуют своего политического выражения, признания и контроля.

Вместе с тем, политические элиты, в том числе и региональные, представляют собой обособленную, достаточно замкнутую группу, имеющую собственные интересы и потребности. Поэтому очень важно выявить в какой степени политические элиты являются носителями интересов различных категорий населения региона, а в какой – собственных узкогрупповых интересов; в какой степени они зависят от Федерального Центра, а в какой – от местных политических, экономических и социокультурных сообществ. Эли-

ты должны выполнять две взаимосвязанные, но противоречивые функции: с одной стороны, они должны были определить наиболее приемлемые способы включения масс в модернизационные процессы; с другой стороны – обозначить пределы участия масс в модернизационных процессах, корректируя тем самым инициативы Центра.

Следует отметить, что в отечественной литературе существуют достаточно противоречивые мнения относительно роли и значения региональных политических элит в модернизации политической системы российского общества, а также ее подсистем регионального уровня. По этому вопросу можно выделить несколько точек зрения. Согласно первой точке зрения региональные политические элиты представляют собой значимую политическую силу, определяющую основные направления политического развития своих регионов, а, следовательно, и России, в целом. Поскольку регионы РФ заметно отличаются друг от друга по уровню экономического развития, национальному и конфессиональному составу, то и модернизация в каждом из них происходит по-разному. Этим обусловлена разнонаправленность политических процессов в различных регионах современной России, все отчетливее «стали проявляться разные социально-политические процессы, которые все больше стали проявлять свою специфику по отношению к федеральному центру» [13]. В этом отношении политические элиты выполняют функцию сохранения баланса между требованиями Федерального Центра и потребностями населения региона, способствуют политической и экономической модернизации, но разными способами.

По мнению других отечественных исследователей (В. Гельман, А. Чирикова и т.д.), региональные политические элиты находятся в полной зависимости от Центра, нацелены на сохранение закрытости элитных групп и существующей системы вертикали власти. «Для одних представителей региональной власти вертикаль продлила жизнь в политике, указывает – А. Чирикова, – для других – существенно упростила властные функции для третьих – позволила не зависеть от населения, выведя элиты из накала выборной борьбы» [14]. Подобный тезис справедлив не только для представителей элитных групп и бюрократии, занимающих должности, на которые назначают вышестоящие инстанции, но для ряда представителей региональных политических элит, занимающих выборные должности, но выдвигаемые на них различными политическими институтами, прежде всего, политическими партиями. В этих условиях пред-

ставители политических элит зависят только от тех политических сил, которые их продвигали, но не подлежат политической подотчетности населению, институтам гражданского общества, выражающим интересы и потребности различных категорий населения региона. А в «отсутствии политической подотчетности российская бюрократия, в том числе региональная элита, оказывается заинтересована в сохранении статус-кво, а не в модернизации» [15]. Согласно третьей точке зрения региональная политическая элита неоднородна и разбита на конкурирующие группировки тесно связанные с московскими и местными бизнес-сообществами [16]. Так, М.Н. Афанасьев в качестве основного фактора формирования и деятельности выделяет «клиентелизм».

Значимость экономического фактора в формировании элитных групп отмечают и ученые, проводящие эмпирические исследования. Так, изучая влияние различных факторов (пол, возраст, уровень доходов и др.) на возможность победы на выборах, А.П. Галкин пришел к выводу, что наибольшее влияние на успех избрания имели такие факторы как уровень доходов и затраты на избирательную кампанию (официальные данные). Пол, партийная принадлежность и даже занимаемая должность значимой роли не играют [17]. Таким образом, отмечая потенциальную значимость региональных элит в модернизационных проектах, различные исследователи по разному оценивают их реальную роль. На наш взгляд существуют различные группы региональных элит и, соответственно, различные ориентации представителей данных групп на те или иные структуры. Одни представители ориентируются на требования и ожидания федеральных властей, другие – на интересы и потребности тех или иных категорий населения региона. В последнем случае региональные политические элиты связаны с институтами гражданского общества, функционирующими в регионе. Это подтверждается данными экспертного опроса, проведенного методами полуструктурированного и глубокого интервью с представителями органами власти и местного самоуправления Волгоградской области в 2007 и 2010 гг., соответственно.

По материалам интервью эксперты поддерживают постоянную связь:

1) с общественными организациями – 34,6%; из них:

- ветеранские организации (Ветераны войны и труда, Дети военного Сталинграда и т.д.) – 33,3%;
- женские организации (Комитет Солдатских матерей) – 20%;
- детские организации (Детский фонд и др.) – 13,3%;

- молодежные организации (Наши, Новые люди) – 13,3%;
 - религиозные организации – 6,7%;
 - патриотические организации (Союз советских офицеров) – 6,7%
 - казачьи общества – 6,7%.
- 2) с депутатами – 19,2%;
- 3) с коммерческими организациями – 15,4%; из них:
- «Опора России» (это не коммерческая организация, но эксперты ее считали таковой) – 40%;
 - «Лукойл» - 20%;
 - «Каустик» - 20%.
 - «Диамант» - 20%;
- 4) с мэром/губернатором – 15,4%;
- 5) с администрацией – 7,7%;
- 6) со структурами образования – 7,7%.

Как видно из вышеприведенного списка только чуть более трети респондентов поддерживают постоянные контакты с общественными объединениями. Другие контактируют с ними лишь время от времени. Этому способствует неразвитость гражданского общества в регионе, пассивность основной массы населения области. Так по данным исследования, проведенного А. П. Галкиным, В. Н. Гуляхиным и Н. А. Тельновой, 2,66% жителей области, отметили, что являются членами общественных объединений, которые решают социальные проблемы. При том, что 60,57% не желают участвовать ни в каких объединениях, а 32,85% уверены в полной бесполезности своего участия [18].

Впрочем, уровень интереса к политике среди населения области достаточно велик, что следует из данных стандартизированного интервью, проведенного при личном участии авторов этих строк в 2007 г. среди населения Волгоградской области (n=512), представленными в следующей таблице:

Таблица 1.

<i>Уровень заинтересованности политической ситуацией в Волгоградской области</i>	<i>Количество</i>	<i>% ко всем</i>	<i>% к ответившим</i>
Интересуюсь политикой	258	49,14	49,14
Интересует только внешняя и федеральная политика	109	20,76	20,76
Политикой не интересуюсь	157	29,90	29,90

Удивляет, что с другими политическими, экономическими и социальными структурами представители политических элит поддерживают еще в меньшей степени. Особенно поражает низкий уровень постоянных связей с другими представителями органов власти и самоуправления. Это говорит о достаточно высокой степени фрагментарности политических Волгоградской области, разделению последней на группировки, которые не только соперничают за материальные и нематериальные ресурсы, но порой конфликтуют друг с другом.

Количественная обработка данных полуструктурированного интервью позволила выделить четыре основные линии рекрутирования политических элит в Волгоградской области:

1) рабочий – главный инженер (начальник отдела) – депутат/госслужащий (представитель администрации); продолжительность карьерного роста в среднем 20 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 64,4% респондентов;

2) учитель (преподаватель) – директор школы (заведующий кафедрой) – депутат/госслужащий (представитель администрации); продолжительность карьерного роста в среднем 30 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 14,3% респондентов;

3) следователь (адвокат) – судья – депутат/госслужащий (представитель администрации); продолжительность карьерного роста в среднем 20 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 14,2% респондентов;

4) госслужащий – депутат; продолжительность карьерного роста в среднем 10 лет; данная линия карьерного роста наблюдается у 7,1% респондентов.

Все эти способы объединяет одна общая черта: представители политических элит Волгоградской области сначала делали профессиональную карьеру, а лишь потом приходят в политику. Ни один из респондентов не указал в качестве канала карьерного роста активную деятельность в политических партиях и других общественных организациях. Это говорит о том, что институты гражданского общества пока не являются каналом рекрутирования политических элит, по крайней мере, в Волгоградской области. В то же время, ни один из экспертов не указал на свои связи с региональными бизнес-сообществами, представителями органов федеральной власти.

Отвечая на вопросы о способах карьерного роста, многие респонденты старались акцентировать собственные заслуги, следовательно, говорить о

связях с бизнесом и о собственных экономических целях в данном случае неуместно (не хотят афишировать личную зависимость от бизнес-структуры). Качественный анализ данных интервью позволил выявить основные каналы рекрутирования политических элит Волгоградской области. На вопрос, кто являлся инициатором политического выдвижения, ответы респондентов распределились следующим образом:

1) политическая партия (общественные организации) – 60%; В том числе: Единая Россия – 33,3%; ЛДПР – 22,2%; - Аграрная партия – 22,2%; - Справедливая Россия – 11,1%; - КПРФ – 11,1%.

2) родственные / социальные связи – 26,7%;

3) самовыдвижение (всего добился сам) – 13,3%.

Хотя абсолютное большинство респондентов в качестве канала политического рекрутирования указывали политические партии, только представители Аграрной партии России и КПРФ имеют постоянную связь со своими региональными объединениями. Эти же представители активно сотрудничают с другими общественными объединениями, прежде всего, ветеранскими. Напротив, большинство представителей партий: Единая Россия, ЛДПР, Справедливая Россия не только практически не сотрудничают с общественными объединениями области, но и имеют лишь формальное членство в своих партиях, не работая активно в региональных партийных ячейках. Для них политические партии только инструмент политической карьеры.

Второй канал политического рекрутирования (по оценкам экспертов) – родственные и социальные связи. Впрочем, по отношению к политическим элитам Волгоградской области это, скорее, клиентизм, основанный на принципе личного знакомства со стороны «патрона» и, соответственно, личной зависимости и преданности «клиента» своему «патрону». Впрочем, подобным образом порой создаются весьма эффективные управленческие команды, которые добиваются улучшения уровня развития отдельных городов и районов области.

Самовыдвижение как канал рекрутирования политических элит Волгоградской области был присущ директорам предприятий Волгоградской области (Г.Г. Набиев – генеральный директор ОАО «Волгограднефтемаш», П.П. Башелутсков – директор ФФГУП «Росспитртпром» ЛВЗ «Волгоградский» и т.д.), а также, руководителям и владельцам региональных коммерческих

структур (Р.В. Шарифов – генеральный директор группы компаний «Статус», и др.). Данные представители как правило имели ту или иную партийную принадлежность, но членство многих из них было чисто формальным. Следует отметить, что «самовыдвиженцы» являются наиболее заинтересованными в экономической модернизации региона, предпринимают определенные шаги в этом направлении. Они также заинтересованы и в политической модернизации, но в этом вопросе предпочитают приспособляться к существующим «правилам игры».

Таким образом, социально-философский анализ теоретических положений и эмпирических материалов позволяет утверждать, что, во-первых, политическая элита Волгоградской области фрагментарна, разбита на конкурирующие группировки; во-вторых, ни одна из группировок не нацелена на отражение интересов населения региона, чему способствует социально-политическая пассивность последнего; в-третьих, в реализации модернизационных проектов региональная политическая элита не заинтересована, выполняет их лишь в той степени, в какой ее принуждает Федеральный Центр. В своем исследовании мы пришли к неутешительному выводу, что большая часть нашей политической и экономической элиты исключительно эгоистически и крайне прагматически понимает идеалы и ценности демократии. Формально настаивая на приоритетности демократических принципов многопартийности, политической конкуренции, она фактически игнорирует мнение не только оппозиции, но и подавляющего большинства общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашин Г.К. *Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. 1996. № 5*; Понеделков А. В. *Элита: Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры. Ростов-на-Дону, 1995.*
2. *Pareto V. Elites and Their Circulation / C. S. Heller (ed) Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification N.Y., 1969.*

3. *Mosca G.* The Ruling Class / Laumann E. O. et al (eds.) The Logic of Social Hierarchies. Chicago, 1971.
4. *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Монография. Пермь, 2003.
5. *Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1961; *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.; *Биггарт Дж.* Александр Богданов и теория «нового класса» // Социологические исследования. 1993. № 7.
6. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985; *Ашин Г.* Миф об элите и массовом обществе. М., 1966.
7. *Scott J.* Social class and stratification in late modernity // Acta sociologica. Oslo, 2002. Vol. 45, iss. 1, 2002.
8. *Эндрейн Ч.Ф.* Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М., 2000.
9. *Corra M.* Separation and exclusion: distinctly modern condition of power // Canadian Journal of sociology. Toronto, 2005. Vol. 30, № 1.
10. *Bendle M.F.* The crisis of 'identity' in high modernity // Brit. J. of sociology. L., 2002. Vol.53, № 1.
11. *Немирова Г.И.* Регион как социально-экономическая система / Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Роль региональной экономики в становлении развитого экономического пространства». Киров, 2002. Ч. 1.
12. *Разин А.С.* Специфика этноконфессиональных ценностей в общественном развитии полиэтноконфессионального региона (Волгоградская область) / Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: сб. материалов II региональной науч.-практ. Конф. Волгоград, 2010.
13. *Анипкин М. А.* Власть и общество: социальная и системная интеграция. Региональный аспект. Волгоград, 2009.

14. *Чирикова А.* Региональные политические элиты и российская модернизация: мифы и реалии. Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/dokladi/2010-04-28/>
15. *Гельман В.Я.* Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra. Том 13. № 5-6 (47). 2009.
16. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М., 1997.
17. *Галкин А.П.* Идентификация элитных групп: опыт статистического анализа // Проблемы социальной идентификации: опыт социологического анализа. Волгоград, 2002.
18. *Галкин А.П., Гуляихин В.Н., Тельнова Н.А.* Политико-правовые ценности российских граждан: социологический анализ (на примере жителей Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 7. № 2 (12). Волгоград, 2010.

*Волгоградская государственная
сельскохозяйственная академия*

14 декабря 2011 г.